

С.В. Дмитриев

ИВ РАН

Столицы Монгольской империи как показатель монгольско-китайской культурной интерференции

Столица государства всегда больше чем просто город. Провинциальный город, будь он богатым торговым и ремесленным центром или позабытым Богом и людьми дальним форпостом, развивается по вполне понятным, естественным законам – его размеры, форма, количество и качество общественных зданий зависят, прежде всего, от возможностей и представлений местной администрации и населения, от функций, которые город выполняет, и окружающего ландшафта. Столица же, помимо этого, призвана воплощать в себе самую суть государства, что накладывает на неё особый отпечаток. Столица зачастую не только место пребывания правителя и двора, не только витрина для иностранных послов, которые, побывав в ней, должны отнести своим правителям рассказы о мощи и величии соседа. Столица часто является едва ли не единственным местом, одинаково чуждым для всех подданных империи, узлом, объединяющим провинции в империю – как в административном и экономическом, так и в идеологическом ключе. Поэтому столица может быть далеко не самым интересным городом для изучения той или иной цивилизации и культуры – но самым продуктивным для изучения государства и политической идеологии, которой пытались следовать его правители.

В первые годы существования Монгольской империи, в правление Чингис-хана (1162–1227, провозглашён великим ханом в 1206 г.), резиденция великого хана, по всей видимости, была типичной ставкой кочевого правителя – он не был склонен связывать себя постройкой зданий, и, вероятно, не считал это нужным и достойным правителя монголов¹. К тому же, на долю основателя империи пришлось не так уж много спокойных лет, когда он не был занят войнами и походами. Однако уже в правление его сына Угэдэя (1186–1241, великий хан с 1229 г.) влияние представителей оседлых народов, вошедших в состав империи, на правящую прослойку кочевников значительно усилилось, следствием чего,

в частности, стало начало строительства в 1235 г. города Каракорума², провозглашённого столицей империи (см. [20, цз. 2, с. 5]).

Обширная долина Орхона, на которой расположен Каракорум, питаемая множеством рек и ручьёв, стекающих с лесистых склонов Хангая, предоставляет в высшей степени благоприятные условия для кочевников. Эти места, которые тюрки называли Отюкен (или Отюкенская чернь) были ритуальным и экономическим центром целого ряда кочевых империй. Согласно династийной истории *Чжоу шу* 周書 («История [Северной] Чжоу»), здесь постоянно пребывал каган Первого Тюркского каганата (551–630), здесь же под его руководством проводились регулярные жертвы и моления предкам каганского рода и Небу (см. [23, цз. 50, с. 2666; 43, р. 212–219]); здесь была ставка правителя Восточнотюркского каганата (689–745) (см. [11, с. 216–223]) и столица пришедшего ему на смену Уйгурского каганата, Орду-балык, разрушенная киргизами в середине IX в.³

Происхождение названия первой монгольской столицы представляет собой отдельную научную проблему (подробнее см. [6]), однако наиболее вероятным, как кажется, является предположение, что оно произошло от уйгурского топонима (по-тюркски «Кара-корум» означает «чёрные горы/камни»), видимо, обозначавшего Хангайские горы, с которых стекает р. Орхон. Слово Каракорум не монгольского, а тюркского происхождения, что, скорее всего, является свидетельством огромного влияния, которое имели при дворе Угэдэя уйгурские советники, убедившие его, что столицу необходимо разместить неподалёку от руин Орду-балыка, а не в родных местах Чингис-хана, близ Онона и Керулена.

Несмотря на своё расположение в сердце традиционных кочевий, Каракорум был не только дворцом хана, желающего приобщиться к оседлому комфорту, окружённым жилищами гвардии и необходимой обслуги, а ещё и довольно крупным торговым и ремесленным центром, что окончательно доказали раскопки 1948–1949 гг., проведённые экспедицией под руководством С.В. Киселёва⁴. Невысокие городские стены (вал в толщину не превышал 2–2,5 м, сверху тянулся плетневый палисад, обмазанный глиной, всё вместе в высоту вряд ли превышало 4–5 м; см. [10, с. 138, 173]), призванные скорее обозначать городскую границу, нежели обеспечивать городу реальную защиту, огораживали значительную территорию, представляющую собой неправильный четырёхугольник, ориентированный по странам света, несколько сужающийся к югу. С севера на юг протяжённость города превышала 2 км, с запада на восток составляла около 1,5 км (см. [10, с. 128]). Дворец Угэдэя находился в юго-западном углу города, был обнесён такими же невысокими стенами, как и весь город, и представлял собой правильный квадрат 255 на 225 м (см. [10, с. 138]), т.е. занимал не слишком значительную часть городской площади⁵. Остальная часть города, судя по результатам раскопок, была довольно густо заселена. У восточных ворот, к которым примыкало предместье, найдены обломки жерновов и молотильных камней, что говорит о том, что здесь жили люди, занимавшиеся земледелием, в разных концах города найдены плуги и жернова (см. [10, с. 174; 180]). Со-

здатели города явно желали, чтобы он хотя бы частично обеспечивал себя продовольствием, впрочем, нам известно, что город всё равно сильно зависел от поставок зерна из Китая. От центра города к восточным воротам вела улица, сплошь обстроенная домами. Судя по особенно частым находкам в этом районе города монет, здесь размещались торговые лавки (см. [10, с. 174]). По сообщениям Гийома Рубрука, в городе было две главных улицы, вдоль одной из которых жили мусульмане, в основном торговцы, а вдоль другой – китайцы, которые преимущественно занимались ремеслом; в нём было двенадцать языческих храмов разных народов, две мечети и одна несторианская церковь (см. [34, XXXII, р. 285–286]). По данным раскопок, в центре города, на пересечении двух главных улиц, находились ханские мастерские, весьма активно функционировавшие. В этом месте за свою недолгую историю город успел сформировать необыкновенно богатый культурный слой, толщиной до 5 м. Нижний горизонт, соответствующий времени основания и высшего расцвета города, очень насыщен находками, свидетельствующими об активном металлообрабатывающем производстве, на сравнительно небольшом участке найдено до десяти металлургических горнов и множество изделий, особенно много массивных втулок к осям телег, походных котлов на ножках, стрел и сабель (см. [10, с. 176–178]). Всё это свидетельствует о том, что промышленные мощности Каракорума активно использовались при подготовке к дальним походам монгольских армий. Лабораторные исследования показали, что чугуны, использовавшийся в ряде изделий, требовал для плавки очень высоких температур, порядка 1350°, которые достигались с помощью сложной системы механических мехов, приводимых в действие водой, поступающей по каналам из р. Орхон, остатки этой системы найдены в крупной металлургической мастерской в центре города (см. [10, с. 178]). В верхних слоях, когда город уже утратил свои столичные функции, преобладают следы весьма разнообразного керамического производства (см. [10, с. 178]). На всей территории Каракорума сделано много находок привозных вещей (фарфора, зеркал, шёлка), которые, как и большое количество найденных монет, говорят о широком распространении торговли (см. [10, с. 178]). Остатки зданий группируются в основном вдоль двух главных улиц, остальная часть города почти не застроена – видимо, там стояли юрты (см. [10, с. 126]). Несмотря на значительное население, дворцы и мастерские, Каракорум всё же был городом кочевников, со всеми противоречиями, которые порождал этот несколько парадоксальный статус.

Однако, находясь в сердце степи, Каракорум был очень зависим от поставок зерна из Китая, которым обеспечивать себя самостоятельно его население, конечно, не могло, и этому суждено было сыграть роковую роль в его судьбе. В 1260 г. Хубилай (1215–1294) был провозглашён великим ханом (см. [20, цз. 4, с. 6]). Его младший брат Ариг-Буга, также провозглашённый великим ханом при поддержке части монгольской знати, недовольной явной склонностью Хубилая к китайской культуре, занял Каракорум, но это ему не помогло: Хубилай приказал прекратить поставлять в столицу зерно, поэтому вскоре там начался голод (см. [16, т. II, с. 144]), Ариг-Бога оставил Каракорум и вскоре был побеждён.

После потери статуса столицы Каракорум стал быстро терять население и ветшать⁶. В нём была размещена ставка военного губернатора северных провинций, *сюань-вэй сы* 宣慰司 (Управление всеобщего успокоения) (см. [20, цз. 58, с. 124]). Во время войны Хубилая и Кайду (1230–1301)⁷ и связанной с этим смуты Каракорум неоднократно переходил из рук в руки, в 1295 г. был разграблен и сожжён императорской армией (см. [16, т. II, с. 210; 10, с. 176]), а в 1312 г. переименован в Хэнин 和寧 (Гармония и мир) (см. [20, цз. 58, с. 124]); вероятно, к этому времени тюркское название уже не употреблялось, переименование было основано на китайском варианте, Хэлинь 和林. После падения династии Юань в 1368 г. сын последнего императора Тогон-Темур, умершего в 1370 г. в юго-восточной Монголии, пытался закрепиться в Каракоруме, но не преуспел – город, скорее всего, уже почти заброшенный, был взят минскими войсками и сожжён (см. [44, vol. I, p. 168; 10, с. 176]).

Начало изменений в государственной идеологии Великого монгольского государства, которое всё больше стало отходить от кочевых степных традиций и превращаться в чиновную империю китайского толка – империю Юань (подробнее об этом см. [13, с. 276–308]), неразрывно связано с именем Хубилая.

Около 1251–1252 г. Хубилай был назначен ответственным за управление северокитайскими провинциями империи (см. [20, цз. 3, с. 5]). В 1256 г. он решил обзавестись собственной резиденцией поближе к Китаю и поручил своему советнику Лю Бин-чжуну 劉秉忠 (1216–1274)⁸ найти, исходя из принципов китайской геомантии (*фэн-шуй* 風水), благоприятное место, разработать план города и выстроить его, что и было сделано. Новый город, названный Кайпином 開平 (Начало спокойствия), был построен в степях в 275 км к северу от совр. Пекина, неподалёку от озера Долон-нор (в 25 км к северо-западу от совр. г. Долунь на юго-востоке Внутренней Монголии). Незадолго до переноса столицы из Каракорума в Даду (см. ниже), летом 1263 г., город был переименован в Шанду 上都 («Верхняя столица») и вплоть до конца правления династии сохранял статус летней столицы. Проводя в нём наиболее жаркие летние месяцы или кочуя в его окрестностях, император принимал представителей монгольской знати в привычной для них кочевой обстановке, пусть и сказочно роскошной.

Оба варианта названия города использовались монголами, что отмечено, по крайней мере, в хрониках XVII в. (см. [14, с. 253]). Встречается композитный вариант Кейбтинг-Сангду GEUbdieit seeIdO, но чаще всего используется только второе название, возможно, потому, что оно звучало не вполне чуждо для монгольского уха – *шанд* Zeelda, согласно словарям, переводится как «ложбина, где подпочвенная вода находится очень близко к поверхности земли, ключ, колодец в ложбине» [1, т. IV, с. 340]⁹.

О Шанду нам известно гораздо больше, чем о Каракоруме. Население города, по данным *Юань ши* («История Юань») было весьма велико и составляло 118 191 человек (41 062 семейства) (см. [20, цз. 58, с. 121]); дворцы Шанду подробно описаны Марко Поло, который, судя по всему, неоднократно бывал там (см. [39, LXXIV, с. 180–187])¹⁰. В 1359 г. город был

разграблен и сожжён восставшими китайскими крестьянами, в 1369 г. взят минскими войсками и оставлен ими в руинах. Город очень хорошо сохранился до наших дней¹¹, так как после падения династии Юань и разрушения минскими войсками он пришёл в упадок и в 1430 г. был окончательно заброшен – город остался на территории, неподконтрольной Китаю, а монгольским кочевникам, для которых XV в. оказался одним из самых тяжёлых периодов хаоса и отсутствия почти любых форм государственности в их истории, город в степи был не нужен. Первые археологические исследования города были проведены японскими учёными во времена существования Маньчжоу-го (см. [51]), впоследствии масштабные работы были предприняты учёными университета Внутренней Монголии в 1956 и 1973 гг. (см. [28; 26]).

Шанду (см. рис. 1¹²) сориентирован по странам света, представляет собой два обвода стен, причём меньший обвод находится в юго-восточном углу большего. Внешний обвод – правильный квадрат с длиной стороны ок. 2200 м, ширина глинобитных стен у основания составляла ок. 10 м, кверху они сужались до 2 м, высота достигала 5 м. В городе было 7 ворот – по двое в северной, восточной и южной стенах, одни в западной стене, снаружи ворота были защищены дополнительными укреплениями, в северо-западном и юго-западном углах обнаружены следы городского рва шириной ок. 25 м.

Внутренний обвод также представляет собой квадрат с длиной стороны 1400 м, в стенах прорезано шесть ворот – по двое в западной и северной стене и по одним – в южной и восточной (эти ворота – общие с большим обводом). Все ворота снабжены внешними укреплениями. Толщина стен у основания – ок. 12 м, у вершины – ок. 2,5 м, высота – ок. 5–6 м. По четырём углам малого обвода возведены угловые башни, через каждые 150 м на стенах устроены расширения-платформы, на которых, возможно, стояли деревянные башни, где могли укрываться стрелки.

Внутри малого обвода существовало своё внутреннее деление. В центре него, ближе к северу, расположены ещё одни глинобитные стены – прямоугольник 570 м (E–W) на 620 м (N–S), снаружи облицованный кирпичом. Эти стены были столь же мощны и высоки, как и во внешних обводах, по четырём углам прямоугольника были возведены башни. Во всех стенах, кроме северной, были прорезаны ворота. Этот обвод стен представлял собой собственно дворец императора. Западные и восточные ворота связаны широкой улицей, такая же улица идёт от южных ворот, они образуют Т-образный перекрёсток в центре комплекса. К северу от перекрёстка была обнаружена глинобитная платформа размером 60 на 60 м, высотой 3 м. Со всех сторон, кроме южной, восьмиметровая полоса территории, прилегающей к платформе, вымощена кирпичом, с юга к углам платформы примыкали два меньших здания. Судя по всему, это был тронный зал, главное дворцовое здание. С обеих сторон улицы, ведущей от южных ворот, были обнаружены две платформы 50 м (E–W) на 20 м (N–S), высотой 5 м, – видимо, это были своего рода въездные павильоны, фланкирующие парадный въезд во дворец.

В меньшем обводе стен, своего рода «городе чиновников», примыкающем к дворцу, размещались культовые и официальные здания. Основными

транспортными артериями были две широкие улицы – одна из них, имевшая в ширину ок. 25 м, вела от южных ворот к южным воротам дворца, вторая, шириной ок. 15 м, связывала южную пару ворот на восточной и западной стенах и пересекала первую несколько южнее парадных ворот дворца. Подобные магистрали отходили и от северных ворот восточной и западной стен, но они упирались в стены дворца. Между этими, наиболее широкими «проспектами» была проложена довольно частая сеть более узких, прямых улиц, пересекавшихся под прямым углом.

Самый большой обвод стен города не был однороден – часть его, находившаяся севернее «города чиновников», была отделена глинобитной стеной, причём попасть в эту северную часть можно было только из «города чиновников». На всей территории этой части не обнаружено никаких следов строений, кроме большого вымощенного камнем двора (350 м вдоль оси E–W на 200 м вдоль оси N–S) в центре. Археологи предполагают, что на севере города мог размещаться императорский парк, в котором император при желании мог устанавливать юрты для себя и своих приближённых. Парки такого размера не отмечены ни в одной из известных нам китайских столиц.

Остальная часть города, несколько меньше четверти общей площади, представляла собой место обитания горожан. В этой части было три основных, наиболее широких (ок. 20 м) улицы, две из них шли в направлении восток-запад и выходили – одна к западным городским воротам, другая – к южным воротам западной стены «города чиновников»; третий «проспект» шёл на север от южных городских ворот. Эти улицы образовывали крупные кварталы, прорезанные более узкими улицами, на территории этой части города найдены места нахождения домов простолюдинов, а также мастерских. Следы ремесленного производства и рынков обнаружены и вне городских стен.

Таким образом, Шанду не слишком отступал от китайской градостроительной традиции, хотя, в значительной степени, это был дворец с прилегающими к нему системами обеспечения, в котором та часть, на которой жили горожане, представляла собой не слишком большую часть городской территории¹³. Единственным элементом, выбивающимся из рамок традиции, можно считать огромный парк в северной части города, занимавший почти треть города, – своеобразная дань степному прошлому правителей. По всей видимости, Хубилай, несмотря на интерес к китайской культуре и вкус к оседлому комфорту, не представлял себе жизни без возможности кочевать, пусть и по парку, окружённому стенами. К тому же, такие пустые пространства внутри городских стен характерны для более поздних городов, которые возводили монголы, – зачастую в них не было капитальных строений, кроме собственно стен, храмов и нескольких скромных дворцов, а остальное пространство отводилось под установку юрт для непостоянного – и привычного к такому образу жизни – городского населения. Целые кварталы юрт есть и в современном Улан-Баторе. Так или иначе, Шанду представляет собой хорошую иллюстрацию той постепенной трансформации, которую претерпевала Монгольская империя в это время: её правители уже не мыслили свою жизнь

без комфорта городской оседлой жизни, но, в то же время, ещё не могли полностью оторваться от своих кочевых корней. В 1260 г. Хубилай был провозглашён в Кайпине великим ханом (см. [20, цз. 4, с. 6]), в 1264 г. столица была официально перенесена из Каракорума в Китай, в район современного Пекина, и получила название Даду 大都 (Великая столица).

Планирование нового города было снова поручено Лю Бин-чжуну, работы начались в 1267 г., в 1274 году было завершено строительство стен дворцового комплекса, к 1276 г. возведены городские стены, к 1285 г. город был полностью отстроен (см. [22, с. 629; 46, р. 137–158]). В строительстве принимали значительное участие архитекторы и рабочие из мусульманских частей империи (см. [49, р. 454–455]), однако это никак не повлияло на облик китайский облик города. Новая столица была построена к северозападу от одной из столиц прежней династии Цзинь 金 (1115–1234), Чжунду 中都 (см. рис. 2)¹⁴, чьи жители, судя по всему, в большинстве своём остались на старом месте. Это послужило причиной возникновения к югу от столицы примыкающего к ней Южного города (Наньчэн 南城), огромного предместья, населённого преимущественно китайцами. Обустройство этой ветшающей и перенаселённой старой цзиньской столицы, кажется, мало заботило юаньские столичные власти¹⁵. Это предместье существовало и потом, в цинское время, когда северный город был населён прежде всего маньчжурами, а южная часть, отделённая стеной, – китайцами. Южный город, как в юаньское время, так и при Цин, был центром ремесла и торговли, в отличие от северного города, где в основном жили чиновники и размещалась императорская гвардия.

Местоположение города указывает, что Хубилай при выборе места для столицы скорее следовал традициям подчинивших Северный Китай неких китайских династий Ляо и Цзинь, нежели собственно китайским империям – ещё никогда столица Китая не размещалась так далеко на севере, у самых границ степи. Впрочем, возможно, Хубилай не думал о каком-то осознанном противопоставлении своей династии китайским империям древности, и тем более вряд ли в его планы входило показать какую бы то ни было преемственность Юань по отношению к сокрушённой монголами Цзинь. Скорее всего, он просто не хотел слишком отдаляться от монгольских земель: размещение столицы в самом сердце Китая многократно увеличило бы опасность для монгольского правителя быть отрезанным от верных кочевых войск враждебным китайским окружением. К тому же, как мы увидим ниже, даже в новой столице, построенной по всем правилам китайского градостроения, Хубилай хотел сохранить возможность вести привычный ему степной образ жизни – пусть и выезжая для этого из города в летние месяцы в окрестности не столь уж отдалённого Шанду. Конечно, в Кайфэне или Чаньани это было бы трудно осуществить – до степей оттуда добраться не просто.

В Азии город называли по-тюркски Ханбалык, «город Хана», под этим же названием (Cambaluc, Cambalut, Kanbalu, Chanbaluch и пр.; подробнее, см. [44, vol. I, p. 140]) его упоминает и Марко Поло. Сведения Марко Поло и Рашид ад-Дина (см. ниже) заставляют предположить, что название Хан-

балык, строго говоря, относилось не к собственно юаньской столице, а к столице цзиньской; таким образом, «Хан» – это не Великий хан монголов, а Алтан-хан (Золотой хан, т.е. хан «Золотой» династии Цзинь 金), как в степи именовали чжурчжэньского правителя (см. [50, vol. I. §53, p. 10]). Старое, привычное название, будучи более понятным лингвистически, кажется, не позволило новому получить сколь бы то ни было значительное распространение вне Китая. В монгольских хрониках преимущественно фигурирует аналог именно китайского наименования (Дайду DeUdb; см. [14, с. 253]), возможно, оно также использовалось чаще других и в период монгольского правления в Китае.

По данным *Юань ши*, в Даду и его окрестностях проживало 411 350 человек (147 590 семейств) (см. [20, цз. 58, с. 121]).

Несколько десятилетий Даду был официальной столицей Монгольской империи и одним из самых прославленных городов ойкумены. Вот как описывает Даду Марко Поло:

«Правда в том, что там был большой город, большой и знатный, который назывался Гарибалу, что значит на нашем языке „Город господина“. И Великий Каан узнал посредством своих астрономов, что этот город должен восстать и сделать большую смуту против империи. И поэтому Великий Каан приказал построить там этот город Камбалут, совсем рядом с ним, так что ничего нет, кроме реки, между ними. Он велел переселить людей из этого города и поместить их в город, который он построил. Он так велик, как я вам расскажу, он имеет двадцать четыре мили в окружности, каждая сторона по шесть миль, то есть он абсолютно квадратный. Он весь окружён стенами из земли, в десять шагов шириной внизу, но они не так широки сверху, потому что утончаются кверху, так что наверху они в ширину около четырёх шагов. У них зубцы по всей длине, и зубцы белые; стены более двадцати шагов в высоту. В городе двенадцать ворот, и над каждым воротами великолепный дворец, так что на каждой стороне по трое ворот и по три дворца. В каждом углу очень красивый и большой дворец (речь идёт об угловых башнях. – *С.Д.*). В этих дворцах есть очень большие залы, где хранится оружие тех, кто охраняет дворец. Улицы города столь прямы и столь широки, что они просматриваются от одних ворот до других. В городе много прекрасных и больших дворцов, прекрасных гостиниц и прекрасных домов в большом количестве. В центре города есть большой дворец, в котором есть большой колокол, который звонит при наступлении ночи¹⁶, и никто не входит в город, пока он не прозвонит трижды, и также никто не осмеливается выйти, кроме как для того, чтобы помочь роженице или лечить больного, и даже те, кто выходит для этих целей, должны нести фонари. Я добавлю, что приказано, чтобы каждые ворота охранялись тысячей человек» [39, LXXXV, p. 210–212].

Марко Поло описывает и дворец Великого хана в Даду:

«Знайте же, что Великий Каан живёт в столице Китая, которая именуется Камбалут, три месяца в году, то есть в декабре, январе и феврале. В этом городе у него есть большой дворец, который я вам опишу вот

как. С начала, там есть большая квадратная стена, по миле каждая сторона, то есть всего четыре мили, и весьма толстая, и в высоту она имеет десять шагов, и вся белая, и вся по кругу с зубцами. На каждом углу этой стены большой дворец, весьма красивый и весьма богатый, и там внутри оружие господина: луки, колчаны, сёдла, удила, тетивы и все другие вещи, необходимые для войны. И между первым и вторым дворцами другой дворец, похожий на каждый из тех, что по углам, итак, вокруг есть восемь дворцов, весьма красивых, и все полны оружием господина. Но послушайте, в каждом из них вещи только одного рода, так, один весь полон луками, а другой весь полон сёдлами, и другой весь полон удилами, и так в каждом, вокруг всей стены, только один вид оружия. На стене, выходящей на юг, пять ворот, в середине большие ворота, которые не открываются никогда, кроме случая, когда всё вооружение выезжает для войны или возвращается. И с каждой стороны от этих ворот по двое ворот, и всего пять, и большие в центре, и через эти четверо ворот входят все остальные люди; но эти четверо ворот, через которые входят остальные люди, не рядом друг с другом, двое ворот по углам этой стены, и двое других – по сторонам больших, так, что большие находятся в центре.

За этой стеной, выходящей на юг, длиной в одну милю, внутри, есть другая стена, которая несколько более длинна и велика. Там также есть восемь дворцов вокруг, совсем как другие восемь снаружи, где также содержится оружие господина, как и в других. И там также есть пять ворот на южной стороне, на манер других, которые снаружи; и также в каждой из остальных стен есть одни ворота.

Внутри этих двух стен находится большой дворец господина, который устроен так, как я вам расскажу. Знайте же, что он наибольший из тех, что когда-либо видели: он не выше почвы, но на одном с ней уровне, так, что вымостка на добрых десять ладоней выше окружающей земли. Крыша очень высока. Стены внутри залов все покрыты золотом, и комнаты также, и серебром, и там изображены драконы, животные, птицы, рыцари и картины, и многие другие виды вещей; и крыша сделана так, что там нет ничего кроме золота, серебра и росписей. Зал так велик и так просторен, что это великое чудо; там бы могло быть добрых шесть тысяч человек. Там есть столько комнат, что чудо это видеть. Он (дворец. – *С.Д.*) так прекрасен, и велик, и богат, что нет человека в мире, который мог бы устроить лучше. Балки крыши все рассвечены, красные, и зелёные, и голубые, и других цветов, и лакированы так хорошо и так тонко, что они сияют, как кристалл, так, что дворец сияет очень далеко вокруг. И знайте, что эта крыша так крепка и так прочно сделана, что её хватит на много дней.

И между одной стеной и другой этой крепости, как я вам рассказал, много прекрасных равнин, прекрасных деревьев разных видов и много животных, таких как олени, и лани, и оленухи, и белки многих видов, из которых делают мускус, в большом изобилии, и множество видов дру-

гих животных, и много разных. Их там столько, что всё там ими полно, что нет другого пути, кроме того, по которому выходят и входят люди.

И в северо-западном углу есть большое озеро, большое и прекрасное, где есть многие виды рыб и в достаточном количестве, потому что господин велел их туда поместить, и каждый раз, когда господин этого хочет, он ловит их для своего удовольствия. Я добавлю, что река выходит оттуда и входит туда и она так устроена, не может выйти оттуда, из-за сетей, с железными и медными сетями, которые не позволяют ей выйти.

Ещё есть на расстоянии половины полёта стрелы на север от дворца искусственный холм, который высотой в добрых сто шагов и добрую милю в окружности, и эта гора вся покрыта и полна деревьями, и они никогда не сбрасывают листья, но всегда зелены. И я вам скажу, что если где-нибудь есть прекрасное дерево и господин про то узнает, он просит взять его вместе с его корнями и всей землёй, которая вокруг него, и принести, и поместить на этой горе, и его несут его слоны, каким бы большим ни было это дерево. И таким образом там есть самые прекрасные деревья мира. И ещё скажу вам, что господин приказал покрыть всю эту гору скалами из ляпис-лазури, которые весьма зелены, и что деревья все зелены, и гора вся зелена, что не заметно ничего другого, кроме зелени, и потому то, что это называется Зелёная гора, справедливо, она право же имеет право на это имя! Наверху горы, на вершине там есть дворец, красивый и большой, и он весь зелёный внутри и снаружи, так что и гора, и деревья, и дворец – такая прекрасная для взора вещь из-за их зелени, которая вся такого рода, что это чудо, поэтому все, кто это видят, становятся от этого легки и радостны. И для того велел это сделать Великий Каан, чтобы он мог иметь этот прекрасный вид, чтобы иметь приятство, и отдых, и радость в своём сердце.

Знайте, что неподалеку от этого дворца повелел выстроить господин другой, настолько похожий на тот, что ни в чём ему не уступает. Он приказал его выстроить для своего сына» [39, LXXXIII–LXXXIV, p. 205–211].

Интересное описание столицы империи и её дворцов оставил и бл. Одорик из Порденоне (Одорик Фриульский, ок. 1286–1331), францисканец, проведший в Пекине около трёх лет:

«Примерно в полумиле [от Ханбалька] они построили другой город, который называется Тайду. У него двенадцать ворот, и расстояние от одних ворот до других две большие мили, и между этими городами пространство хорошо населено, и окружность этих двух городов более сорока миль.

В этом городе великий хан имеет свой престол, и здесь у него также есть большой дворец, стены которого добрых четыре мили в окружности. Внутри этого пространства находится множество других дворцов.

Во дворе этого дворца гора, которая сделана руками, на которой возведён другой дворец, который наикрасивейший в мире. На этой го-

ре посажены деревья, поэтому гору называют Цветущей. В стороне от этого холма сделано большое озеро, через него построен красивейший мост. В этом озере обитает так много диких гусей, уток и лебедей, что это чудо. Если господин пожелает поохотиться, он может делать это, не выходя из дома, то есть из города. В этом дворце есть и другие зелёные насаждения, полные различных видов животных, на которых он, если пожелает охотиться, то может, даже не выходя из дома.

Дворец же его, в котором стоит его трон, очень велик и красив, и пол его приподнят на величину двух двойных шагов. Внутри него двадцать четыре золотых колонны. Покрытия всех стен суть красные кожи, о которых говорят, это самые знатные кожи, что сегодня есть в мире. В центре же дворца стоит большой сосуд, высотой более чем два двойных шага, полностью выполненный из цельного куска драгоценного камня, называемого *мердикес*. Он весь взят в золото, а в каждом углу его находится золотая змея, ужасающая сильнейшим образом. Эта чаша увешана сетью из крупных жемчужин, которая висит над ней, и каждая ячея около пяди в величину. В эту чашу напиток попадает по трубе, которая имеется в царском дворе. Рядом с этой чашей стоит множество золотых сосудов, из которых пьют все желающие пить. В этом же дворце много также золотых павлинов. Когда кто-либо из татар хочет устроить праздник господину, тогда эти павлины машут своими крыльями и выглядит, как будто пляшут. Всё это или происходит от дьявольского искусства или же от устройства, которое под землёй» [42, XXVI, р. 471–473; 17, с. 189–190]

Довольно подробно описывает столицу монгольской империи и Рашид ад-Дин:

«А столицу тамошних государей, город Хан-Балык, который по-китайски называют Джунду, он (Хубилай. – *С.Д.*) сделал [своей] зимней ставкой. Его построили в старые времена по указаниям астрологов и учёных, под исключительно счастливой звездой, и всегда считали самым полным его счастье и могущество. Так как Чингиз-хан его разрушил, то Кубилай-каан пожелал благоустроить его во славу своего имени и основал рядом с ним другой город, имя которого – Дайду, так что они соприкасаются один с другим. Его крепостная стена имеет семнадцать башен; от одной башни до другой расстояние – один фарсанг (ок. 6 км. – *С.Д.*). Он так населён, что и снаружи [за крепостной стеной] построено зданий без числа.

Из каждой области привезли различные фруктовые деревья и посадили там в садах и на баштанах. Большинство [из них] приносит плоды. Посреди того города он построил для своей ставки великолепный дворец и назвал его Карши (скорее всего, от монг. *хари* – дворец. – *С.Д.*). Колонны и пол в нём целиком из мрамора, он очень красив и наряден; вокруг него четыре двора, один от другого на расстоянии полёта стрелы. Внешний [двор] – для дворцовых слуг, внутренний – для сидения эмиров, которые собираются каждое утро, третий – для стражи и четвёртый – для приближённых. Зимой каан живет в этом дворце. Вид его художники изобразили во многих книгах летописей.

В Хан-Бальке – Дайду есть большая река, текущая с северной стороны, из пределов Чемчиала (ущелье в 50 км к северо-западу от Пекина. – *С.Д.*), где дорога в летовку. Есть и другие реки. За городом построили очень большой водоём, вроде озера. На нём построили плотину для того, чтобы спускать на него суда и кататься. Вода этой реки текла прежде по другому руслу и впадала в тот залив, который из океана доходит до Хан-Балька. Так как около [города] залив был узок и суда не могли до него доходить, грузы привозили в Хан-Бальк, навьючив на животных, то землемеры и учёные Китая, проявляя [известную] осторожность, утверждали, что суда могут доходить до Хан-Балька из большинства областей Китая, из столицы Мачина (вероятно, Нанкин. – *С.Д.*), из города Хинксай (Ханчжоу. – *С.Д.*), из Зейтуна (Цюаньчжоу. – *С.Д.*) и других мест...

Крепостной вал города Дайду построили из земли, так как обычай той страны таков: кладут две доски, между ними насыпают влажной земли и уминают [её] большой дубиной, пока не затвердеет, доски снимают – получается стена. Так как [там] выпадает много дождей, а земля той области рыхлая, то такая стена бывает крепкой. В конце [своей] жизни каан приказал привезти камни и хотел ту стену укрепить камнем, но скончался. Если богу будет угодно, то Тимур-каану промысел божий будет сопутствовать в окончании этого [дела]» [16, т. II, с. 174–175].

Рассмотрим, насколько эти цветистые описания подтверждаются археологически. Остатки юаньской столицы Даду сейчас расположены с северной части центра Пекина, поэтому полномасштабные археологические исследования вряд ли возможны. Первые изыскания были проведены ещё в XIX в. (см. [32]). С 1964 по 1974 гг. была проведена археологическая разведка и частичные раскопки. Было уточнено расположение и очертания стен, уличной сети, водоёмов, были обнаружены и исследованы следы более чем десяти разных черепиц, найдено множество черепицы и домашней утвари (см. [27; 25]).

Даду в плане представлял собой почти правильный квадрат, ориентированный по странам света, 6700 м (E-W) на 7600 м (N-S), периметром 28 600 м и площадью ок. 51 км² (см. рис. 3). Западная и восточная стены юаньской столицы совпадают со стенами минско-цинского периода, южная стена проходила примерно по уровню южной стены императорского дворца, северная же лежит далеко к северу от минско-цинских стен. В центре южной части города размещался обнесённый стенами «город чиновников», в правой части которого возвышались стены дворцового комплекса. В городских стенах было прорезано одиннадцать ворот (двое в северной стене и по трое – в остальных), усиленных внешними укреплениями, обнаружены следы угловых башен, причём все найденные археологами укрепления несут на себе следы пожара, уничтожившего город после взятия его минскими войсками в 1368 г. В 1969 г. были обнаружены остатки одних из городских ворот (центральные в западной стене), которые дают представление о величии городских стен столицы – длина прохода 9,92 м, ширина – 4,62 м, высота – от 4,56 (снаружи) до 6,68 м (со стороны города).

Стены Даду были глинобитными, толщина у основания ок. 24 м, в основании стен обнаружены керамические трубы, предназначавшиеся для сброса городских нечистот в ров, окружавший город (канавы для сбора этих нечистот тянулись вдоль всех городских улиц).

Город был разделён на квадратные кварталы многочисленными прямыми улицами шириной ок. 25 м, внутри этих кварталов проходили более узкие переулки шириной ок. 6–7 м, организовывавшие мелкие жилые кварталы. С юаньского времени пекинские переулки называются *ху-тун* 胡同, что, скорее всего, является монгольским словом (родственным монгольскому *хот*, «город, крепость»; *хотон* в современном монгольском языке означает группу юрт, чьи жители кочуют вместе; см. [1, т. IV, с. 119]).

В западной и центральной части города были обустроены озёра, питаемые реками, текшими с гор северо-запада, известными чистой и прозрачной водой. По ряду источников, озёра в этих местах были вырыты ещё в правление Цзинь (см. [19, с. 15]), однако при монголах они были значительно расширены – в значительной степени в рамках проекта по соединению Даду с Великим каналом (*Да-юнь хэ* 大運河).

Надо сказать, что уже при постройке этого величайшего в средневековой истории гидротехнического сооружения в 605–610 гг. его создателями была предусмотрена не только связь бассейна Янцзы (Ханчжоу) со столичной областью (Кайфэн, Лоян и Чанъань), но и коммуникация последней с северными районами империи – областью современного Пекина (подробнее см. [48, р. 134–138]). Однако ко времени постройки Даду это северное ответвление, судя по всему, пришло в негодность, в связи с чем было принято решение провести через Шаньдун новый канал, напрямую связывавший Даду и Ханчжоу. Таким образом, общая длина Великого канала сократилась на 700 км и составила 1800 км (см. [41, р. 227]). Канал должен был обеспечить бесперебойную поставку в новую столицу зерна из южных районов империи – пусть Даду был и гораздо менее искусственным городом, чем Каракорум, но провианта его многочисленным жителям также не хватало.

Работы были начаты почти сразу после падения Южной Сун, в 1281 г., и завершены осенью 1293 г. Последним участком Великого канала была т.н. р. Тунхуйхэ 通惠河 (букв. «Река сообщения с милостью», название дал лично Хубилай) – канал длиной ок. 82 км, начинавшийся в искусственном озере Цишуйтань 積水潭 («Резервуар [для] скопления воды»¹⁷, другое название Хайцзы 海子, т.е. «Сын моря», «Морёныш»), пересекавшем западную часть города почти посередине и примыкавшем своей юго-восточной оконечностью к северной стене «города чиновников» (о нём см. [20, цз. 64, с. 139]). Далее канал проходил по восточному рву «города чиновников» и пересекал южную городскую стену (подробнее см. [20, цз. 64, с. 139]). Таким образом, в столицу, к самому императорскому дворцу, могли приходиться не только баржи с южным зерном, но и заморские торговые корабли. Даду стал морским портом (хотя ему так никогда и не суждено было сравниться в этой области с портами юга – Ханчжоу и Цюаньчжоу).

Озеро Цишуйтань (и, соответственно, канал Тунхуйхэ) питалось водами реки Гаолянхэ 高梁河, входившей в город через западную стену; второе

крупное озеро, Тайечи 太液池 (Озеро великой влаги; о нём см. ниже), находившееся южнее, в пределах «города чиновников», наполнялось водами р. Цзиньшуйхэ 金水河, втекавшей в город через западную стену, затем поворачивавшей на юг и у западной стены «города чиновников» разделявшейся на два рукава – северный огибал «город чиновников» по западному и северному рву и впадал в северную оконечность Тайечи; южный наполнял южный ров «города чиновников», проходил через южную часть Тайечи, проходил к югу от ворот дворцового комплекса и впадал в канал Тунхуэйхэ (подробнее см. [20, цз. 64, с. 139]). Эти две реки были основными водными артериями столицы – они не только наполняли озера, рвы и каналы, но и служили источником питьевой воды для жителей города. В озере Цишуйтань горожанам разрешалось ловить рыбу (см. [24, с. 87]).

Территория вокруг южного озера, находящегося в «городе чиновников» и примыкающего к западной стене дворца, была превращена в императорский охотничий парк¹⁸. Его возведение было завершено лишь в 1348 г., после чего озеро и получило наименование Тайечи¹⁹, а насыпной холм к северу от императорского дворца (Зелёная гора Марко Поло и Цветущая – бл. Одорика, видимо, её «наследницей» в современном Пекине является гора и парк Цзиншань 景山) стал именоваться Вань-шоу шань 萬壽山 (Гора десяти тысяч долголетий) или Вань-суй шань 萬歲山 (Гора десяти тысяч лет)²⁰. Именно этот охотничий парк описан у Марко Поло и бл. Одорика. Несмотря на то, что охота занимала в жизни кочевых монголов огромное место, помогая не только разнообразить меню, но и тренировать войска (см. [30, vol. I, p. 27–28]), охотничьи парки были, конечно, китайским изобретением: здесь их история ко времени монгольского завоевания насчитывала многие сотни, если не тысячи, лет (подробнее см. [31, p. 41–46; 5]).

Дворцовый комплекс по своей планировке во многом совпадает с дошедшим до нашего времени Гугуном 故宮, Запретным городом, построенным при династиях Мин и Цин. По сравнению с более поздним комплексом, юаньский дворец несколько сдвинут к северу; но западная и восточная стены дворцовых ансамблей полностью совпадают. Он представлял собой традиционный китайский дворец, выстроенный по оси север–юг, с последовательно «нанизанными» на единую ось дворами и дворцами. Ничего специфически монгольского в его планировке, видимо, не было.

Южное предместье, представлявшее собой цзиньскую столицу Чжунду, археологически изучено гораздо хуже, но, судя по всему, в нём сохранялась планировка, созданная ранее; монголы не слишком вмешивались в жизнь этой части города. Это также был вполне традиционный китайский город – квадратный в плане, ориентированный по странам света, разделённый на квадратные кварталы широкими улицами (см. [21, с. 238]).

Даду отличается от Шанду не только размерами, но и огромной площадью, которая предназначалась для размещения жилищ горожан. Даду был не только роскошным дворцом, но и одним из крупнейших городов и самых развитых ремесленно-торговых центров Китая и всего Старого света, достойной столицей мировой империи, которой он формально продолжал оставаться вплоть до падения династии Юань.

Город, разделённый на парадную чиновничье-военную северную часть, в которой китайцев было сравнительно немного, и грязное и мало упорядоченное торгово-ремесленное южное предместье, в которое монголы заезжали лишь изредка, был очевидным следствием завоевания Китая иноземцами, одним из символов этого завоевания, однако в нём уже не было и ничего специфически монгольского, степного. В Даду воплотилась мечта Хубилая о создании империи, в которой монголы будут жить рядом с китайцами, править ими, собирать с них подати, учиться у них и в то же время держать их на расстоянии.

Сравнительно недавно китайскими археологами были сделаны находки, которые позволяют несколько расширить список юаньских столиц. Раскопки, начатые в 1998 г. на городище Байчэнцзы 白城子 (Белый городок) близ селения Маньтоу-инсян 饑頭營鄉 уезда Чжанбэйсянь 張北縣 провинции Хэбэй (в 265 км к северу от Даду и в 195 км к югу от Шанду), показали, что это известная по письменным источникам Средняя столица (Чжунду 中都) династии Юань, основанная в 1307 г. по приказу императора Хайшаня (У-цзун 武宗, 1281–1311, великий хан с 1308 г.²¹). Строительство было завершено в следующем, 1308 г. Все последующие юаньские императоры навещались в Чжунду (возможно, по пути из Даду в Шанду и наоборот), но подолгу там не жили. В 1358 г. город был взят и сожжён войсками восставших из «красных войск».

Город (см. рис. 4) представлял собой прямоугольник, ориентированный по странам света, несколько вытянутый по оси север-юг, с периметром стен 11 800 м. В его северной части находился «город чиновников», также вытянутый в широтном направлении прямоугольник с периметром стен более 3400 м. В центре «города чиновников» находился дворцовый комплекс, окружённый кирпичными стенами (стены города и «города чиновников» построены из утрамбованного лёсса), это прямоугольник со сторонами 607 м (N–S) и 548 м (E–W) (периметр ок. 2360 м), в каждой из стен дворцового комплекса – ворота, южные оформлены особенно богато. По углам дворцового комплекса – угловые башни. Ворота дворца не слишком защищены – отсутствуют почти обязательные для китайской фортификации предвратные укрепления. На территории дворцового комплекса обнаружены следы тронного зала, канализационной системы, найдено много резных нефритовых изделий (археологические раскопки начались после того, как местные крестьяне, копая колодец, нашли драконью голову из белого нефрита; в ходе раскопок было найдено ещё 9 подобных голов). Всего на территории столицы локализованы фундаменты 27 крупных зданий. На горе, расположенной к северо-западу от Чжунду, обнаружены остатки сигнальной вышки. К сожалению, мы не располагаем данными о населении Чжунду, но, судя по находкам археологов, в городе находилось немало самых разнообразных мастерских (см. [18; 29]). Руины Чжунду и окрестности города, как и Шанду, в 2008 г. включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (см. [47]).

На примере четырёх столиц монгольской империи можно проследить определённую эволюцию мирознания её господствующего класса. Угэдэй

первым принял решение организовать столицу в виде окружённого стенами города. Видимо, здесь сыграло роль то, что великому хану хотелось принимать иноземных послов в роскошном дворце – юртой, пусть самой большой и богатой, поразить их было непросто. Поэтому Каракорум был довольно странным городом – он был сравнительно невелик, во многом направленным на обеспечение ханского дворца и гвардии, но даже такой небольшой город был абсолютно искусственным образованием посреди степи. Хубилай вначале шёл по этому же пути – Кайпин тоже был городом среди степей. Но сравнительно большая близость к китайским сельскохозяйственным регионам делала его гораздо более жизнеспособным. Именно поэтому Кайпин-Шанду был гораздо больше Каракорума как по размеру, так и по населению. Впрочем, и в нём три четверти городской территории было занято дворцами, учреждениями и огромным императорским парком, на жилые кварталы приходилась сравнительно малая часть.

Необходимо специально отметить, что и Шанду, и Даду, и Чжунду построены согласно всем правилам традиционной китайской градостроительной теории (подробнее, см. [4]) – это квадратные в плане города, ориентированные по странам света, с прямыми широкими улицами, построенные по предварительно разработанному плану. Фортификации также полностью отвечают китайской традиции. Без всякого сомнения, в этом сыграл роль тот факт, что план двух первых городов разрабатывался китайским учёным Ли Бинчжуном, но, скорее всего, также можно сделать вывод, что монгольские правители не видели необходимости вносить изменения в китайские градостроительные наработки. Город был абсолютно чужд монголу, и поэтому, если его нужно было построить, разумно было поручить это специалисту, т.е. китайцу. Соприкосновений у города и кочевого стойбища очень мало, потому мало что могло войти в противоречие. Вход в юрту всегда смотрит на юг – тот же принцип всегда соблюдался и китайскими архитекторами.

Как ни парадоксально, столицы монгольской империи строились преимущественно китайцами, по-китайски и для китайцев. Монгольские правители, возводя города, показали своё глубокое здравомыслие, широкий кругозор и практичность – огромные столицы были нужны им прежде всего для повышения своего авторитета – как среди иностранцев, так и среди своих оседлых подданных. Хубилай понимал, что, управляя Китаем, надо быть императором, который должен жить в роскошном дворце посреди огромной столицы. Именно поэтому был выстроен Даду, удивлявший своим богатством всех, кто его посещал.

Тем не менее, хотя Даду был абсолютно китайским городом как по духу, так и по населению (в нём не было даже такого «кусочка степи», как в парке на севере Шанду), его образ прочно вошёл в монгольскую культуру: т.н. «Плач по Даду» (в котором упоминается и Шанду с окрестными степями) Тогон-Темура признан одним из самых знаменитых и растиражированных произведений монгольской средневековой литературы. Трудно сказать, насколько текст, с небольшими изменениями приводящийся в разных монгольских хрониках XVII–XVIII вв. (подробнее см. [14, с. 378–379, прим. 49]), принадлежит последнему юаньскому правителю, а насколько это чисто лите-

ратурное произведение, автор (или авторы) которого никогда не видел юаньских столиц, но тексту нельзя отказать не только в поэтичности и чувстве, но и в наличии ряда интересных деталей, известных нам по другим источникам:

«Разного рода драгоценностями, прекрасными и совершенными, наполненный мой Дайду! Место летних кочёвок прежних ханов, моя шандуйская Шара-тала! Прохладный, прекрасный мой Кэйбунг-Шанду! В год красного-лысого зайца лишился я тебя, милый Дайду! Если сверху посмотришь утром – туман, о прекрасная дымка моя! (...) Преисполненный разного рода драгоценностями, мой восьмигранный субурган! Преисполненный девятью драгоценностями Дайду, мой город! Где восседал я, приняв правление великим народом, Где восседал я, приняв правление сорока *тумэнами* моих монголов! Четырёхугольный, с четырьмя вратами²² великий Дайду, мой город! (...) И там и тут караулы монголов охраняли милый мой Дайду! Мой город, где зимовал я зимою! Мой Кэйбунг-Шанду, где проводил я лето, прекрасная [равнина] моя, Шара-тола! (...) Благословенный дворец [мой], воздвигнутый из тростника, *хубилган* (перерожденец. – С.Д.) Сэчэн-хан (Хубилай. – С.Д.) проводил в нём лето – мой Кэйбунг-Шанду! (...) Всем [моим] народом построена столица Дайду, дворцами наполнен был милый мой Дайду! Всё разрушено [ныне] китайским народом! (...) Из разного построенный драгоценный Дайду и Кэйбунг-Шанду, где проводил я лето, по ошибке моей захватили китайцы! (...)» [14, с. 253–254].

Примечания

¹ Нам известен только один памятник монгольской дворцово-городской архитектуры, постройка которого может быть датирована несколько более ранним временем, чем строительство Каракорума, – это т.н. город на р. Хирхира в Забайкалье (см. [10, с. 23–58]), который исследовавший его С.В. Киселёв датирует эпохой зарождения монгольского государства. По его мнению, к 1225 г. город, принадлежавший Есункэ, сыну младшего брата Чингис-хана Джочи-Хасара, был уже в основном построен (см. [10, с. 56]). Однако, во-первых, город пока изучен далеко не полностью, а предложенная датировка, помимо особенностей архитектуры зданий, главным образом основана на предположении, что именно неподалёку от него изначально находился т.н. Чингисов камень, поставленный, как считается, около 1224–1225 г. в честь награждения Есункэ за победу в состязании лучников. Это предположение вряд ли может быть убедительно доказано, потому что уже в 1818 году, когда поступили первые сведения о камне, он находился не на своём изначальном месте, а в Нерчинском заводе (см. [10, с. 53]); все сведения местных жителей, которые ассоциируют его с городом на р. Хирхире, были получены не ранее середины, а в основном уже в конце XIX в. (см. [12, с. 56]), а в данном случае мнение старожилов вряд ли может считаться весомым аргументом; таким образом, вопрос датировки города ещё рано считать закрытым. Во-вторых, даже если постройка города и относится ко времени, которым его датирует С.В. Киселёв, что более чем вероятно, то это не принципиально раньше Каракорума, и всё-таки его идеологическое, политическое и экономическое значение в общеимперском масштабе было невелико (как и размеры города – площадь, более или менее компактно застроенная, составляет около 600 на 1000 м, укреплённая цитадель, в которой находился дворец,

представляет собой прямоугольник всего 100 на 110 м (см. [10, с. 24–25]), это скорее дворец, окружённый жилищами челяди и необходимых для нужд владельца ремесленников (возможно, пленных, захваченных в Средней Азии), нежели город в полном смысле этого слова), хотя и показывает проявляющуюся склонность некоторых монгольских владетельных князей к комфорту своих оседлых подданных.

² Руины города находятся в совр. Убур-Хангайском аймаке Монголии, в 320 км к юго-западу от Улан-Батора.

³ Об Орду-Балыке см. [45, S. 283–299; 9, с. 91–101; 15; 37, р. 199–200; 40, р. 275–305; 36].

⁴ Масштабные исследования Каракорума (особенно территории дворца и ремесленных кварталов) были проведены в 2000–2005 гг. совместными усилиями монгольских и немецких археологов под руководством профессора Ханса-Георга Хюттеля (Hans-Georg Hüttel); экспедиция была организована Немецким археологическим институтом в Бонне (Deutsche Archäologische Institut). По итогам работы была составлена компьютерная 3D модель города. Общие итоги исследований в целом подтвердили выводы экспедиции С.В. Киселёва. Подробнее см. [38, S. 179–208; 35].

⁵ Дворец Великого хана в Каракоруме довольно подробно описан Гийомом Рубруком, францисканцем, посетившим город в 1254 г.: «В Каракоруме у Мангу имеется рядом с городскими стенами большой двор, обнесённый кирпичною стеною, как окружают у нас монашеские обители. Там помещается большой дворец, в котором хан устраивает попойку дважды в год: раз около Пасхи, когда он проезжает там, и раз летом, когда возвращается. И это последнее празднество более значительно, так как тогда ко двору его собираются все знатные лица, хотя бы они находились где-либо даже на расстоянии двух месяцев пути, и хан тогда дарит им платья и другие вещи и являет великую славу свою. Там имеется также много домов, длинных, как риги, куда убирают съестные припасы хана и сокровища. Так как в этот большой дворец непристойно было вносить бурдюки с молоком и другими напитками, то при входе в него мастер Вильгельм парижский сделал для хана большое серебряное дерево, у корней которого находились четыре серебряных льва, имевших внутри трубу, причём все они изрыгали белое кобылье молоко. И внутри дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки; отверстия этих труб были обращены вниз, и каждое из них сделано было в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обвивали ствол дерева. Из одной из этих труб лилось вино, из другой – каракосмос, то есть очищенное кобылье молоко, из третьей – бал, то есть напиток из мёду, из четвертой – рисовое пиво, именуемое террацина. Для принятия всякого напитка устроен был у подножия дерева между четырьмя трубами особый серебряный сосуд. На самом вершине сделал Вильгельм ангела, державшего трубу, а под деревом устроил подземную пещеру, в которой мог спрятаться человек. Через сердцевину дерева вплоть до ангела поднималась труба. И сначала он устроил раздувательные мехи, но они не давали достаточно ветра. Вне дворца находился подвал, в котором были спрятаны напитки, и там стояли прислужники, готовые потчевать, когда они услышат звук трубы ангела. А на дереве ветки, листья и груши были серебряные. Итак, когда начальник виночерпиев нуждался в питье, он кричал ангелу, чтобы загудела труба; тогда лицо, спрятанное в подземной пещере, слыша это, сильно дуло в трубу, ведшую к ангелу; ангел подносил трубу ко рту, и труба гудела очень громко. Тогда, услышав это, прислужники, находившиеся в подвале, наливали каждый свой напиток в особую трубу, а трубы подавали жидкость вверх и вниз в приготовленные для этого сосуды, и тогда виночерпии брали напиток и разносили его по дворцу мужчинам и женщинам.

И дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены двумя рядами колонн; во дворце три двери, обращённые к югу. Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево, а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все могут его видеть. К его престолу ведут две лестницы: по одной подающий ему чашу поднимается, а по другой спускается. Пространство, находящееся в середине между деревом и лестницами, по которым поднимаются к хану, остаётся пустым; именно там становится подающий ему чашу, а также послы, подносящие дары; сам же хан сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него бока, то есть с западного, помещаются мужчины, с левого – женщины. Дворец простирается с севера на юг. К югу, рядом с колоннами, у правого бока, находятся возвышенные сиденья наподобие балкона, на которых сидят сын и братья хана. На левой стороне сделано так же; там сидят его жёны и дочери. Одна только жена садится там, наверху, рядом с ним, но всё же не так высоко, как он» [34, XXX, р. 276–277; 3, с. 154–155].

⁶ Возможно, именно поэтому город крайне скудно описан Марко Поло, который, вероятно, никогда в нём не был. Он пишет только, что это город, размером в три мили, первый город, который был построен монголами. Согласно Марко Поло, местность, где расположен город, представляет собой просторные равнины с различными пастбищами, питаемые большими и малыми реками (см. [39, LXIII, р. 152–154]).

⁷ Внук Угэдэя, в 1266 г. отказался признавать власть Хубилая, в 1271 г. подчинил Чагатайский улус. Благодаря значительным военным дарованиям весьма успешно сражался с юаньскими войсками, только в 1301 г. был разбит войсками Тимура (1265–1307, великий хан с 1294 г.), внука и наследника Хубилая, и вскоре умер. Его наследники вскоре признали сюзеренитет юаньских императоров и прекратили сопротивление (подробнее о нём см. [33, р. 359–363]).

⁸ Его биографию см. [20, цз. 157, с. 291–292].

⁹ Кажется, подобная этимология названия города бытовала уже во времена Хубилая. Вот что пишет об основании Шанду придворный историк иль-ханов Рашид ад-Дин (Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани, 1247–1318), никогда не бывавший в Китае, но прекрасно осведомлённый через информаторов: «Есть [ещё] одна дорога по возвышенности, которую называют Сиклинк, когда минуют эту возвышенность, до города Каймин-фу [идут] степь, луга и летовье. Прежде постоянно летовали в пределах упомянутого города Чжу-чжоу, а потом [каан] сделал [летовьем] пределы города Каймин-фу, на восточной его стороне он заложил для себя дворец под названием Лян-Тин (Прохладный павильон 涼亭, возможно, имеется в виду бамбуковый дворец, описанный Марко Поло; см. ниже. – С.Д.). Увидев однажды ночью какой-то сон, [каан] перестал [строить] его и посоветовался с учёными и зодчими о том, где ему строить другой дворец. Все единогласно решили, что самым лучшим местом является озеро, находящееся возле города Каймин-фу, посреди луга. Захотели его осушить. А в той стране имеется такой камень, который употребляют вместо дров; его собрали в большом количестве, а [также] много угля; засыпали то озеро с его источником известью и измельчённым кирпичом; расплавили много олова [и залили] это, так что стало крепко. [Всё это] возвели в вышину человеческого роста, а сверху сделали каменный настил. *Так как вода оказалась запертой в недрах земли, то она выбилась с других сторон, на другие лужайки, и потекли источники* (курсив мой. – С.Д.). На том каменном настиле построили дворец в китайском вкусе, тот луг окружили стеной, от той стены до дворца поставили

деревянную стену, чтобы никто не мог входить на луг. На тот луг выпустили разную дичь, и она расплодилась и размножилась. В середине города построили дворец и [ещё один] дворец поменьше. От наружного дворца до внутреннего провели дорогу [улицу], так что по этому ходу идут во дворец приближённые, а для каанского двора вокруг того дворца возвели стену, длиною в полёт стрелы. Большую часть времени [каан] пребывает во дворце за городом» [16, т. II, с. 176].

¹⁰ «Когда едешь три дня на север, северо-запад от того города, о котором я только что рассказывал (имеется в виду охотничий заповедник Хубилая к северу от столицы, у оз. Цаган-нор. – С.Д.), на исходе этих трёх дней оказываешься у города, называемого Чианду (Ciandu), который выстроил Великий Каан (Великий хан, т.е. Хубилай. – С.Д.), что теперь царствует. Там есть очень красивый дворец из мрамора. Залы и покои внутри все расписаны золотом картинами и фигурами животных, птиц, деревьев, цветов и всеми видами вещей, и так хорошо и так тонко, что это чудо видеть их. Вокруг дворца есть стена, которая охватывает землю на шестнадцать миль, и внутри есть источники, ручьи, пруды и прекрасные луга в большом количестве. Там есть все виды диких не хищных зверей, которых господин велел там запереть и охранять, чтобы кормить ими кречетов и соколов, которых держат там в клетке, там более двух сотен кречетов, не говоря уж о соколах. Он сам раз в неделю ходит смотреть на них в их клетке и иногда проезжает там верхом с леопардом сзади, на спине лошади. Когда он видит зверя, который ему понравится, он выпускает леопарда, который хватается за зверя, и он даёт его есть птицам в клетке. Он делает это для своего удовольствия.

Ещё там есть дворец, который весь целиком из бамбука, как я покажу вам: он весь вызолочен внутри и сработан с большой тонкостью; на крыше бамбук хорошо покрыт лаком, да таким толстым, что и капля воды не может его попортить. Бамбук этот целых три пяди в толщину и от десяти до пятнадцати шагов в длину, их рубят от одного узла до другого посередине, и дворец сделан из этих черепиц. Бамбук годится и для многих других дел, им покрывают дома и используют его во многих других делах. Дворец задуман так, что он разбирается и собирается очень быстро, его весь разбирают на куски и несут с легкостью туда, куда господин прикажет. Когда он возведён, более двух сотен верёвок его поддерживают. Господин живёт там, в этой степи, то в мраморном дворце, то в бамбуковом дворце три месяца в году, в июне, июле и августе, он живёт там эти три месяца потому, что там не жарко, но очень свежо. Когда наступает 28 августа, господин удаляется оттуда» [39, LXXIV, р. 180–183].

¹¹ Благодаря хорошей сохранности остатков города и окружающего ландшафта руины Шанду в марте 2008 г. были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (см. [47]).

¹² Все рисунки приведены в приложении, в конце статьи.

¹³ Для сравнения – Чанъань, столица Западной Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.) была почти правильным прямоугольником площадью ок. 36 км², внутри которого размещалось 5 дворцовых комплексов, каждый окружённый отдельной стеной, которые занимали чуть более половины городской территории (подробнее, см. [7]).

¹⁴ В свою очередь, построенной на месте Южной столицы киданьской династии Ляо (907–1125).

¹⁵ Быт жителей этой части города красочно описан в биографии одного из юаньских чиновников, Ай-сюэ: «[Когда] император впервые поднялся на гору Вань-суй шань, то [он] издали оглядел [все] четыре предместья [столицы], [жители] которых выглядели большими от изнуряющей скученности, захотел туда поехать [и] направился в крайне

перенаселённый Южный город. Жители наполняли Даду, [и далеко] не всем удалось получить ночлег. Стражники надзирали за шалашами и хижинами» [8, с. 88].

¹⁶ Это Чжун-лоу 鐘樓, Колокольная башня, которая, наряду с Барабанной башней Гу-лоу 鼓樓 отмечала время. Подобные башни с эпохи средневековья были обязательным компонентом традиционного китайского города. Обе башни в Даду были построены в 1272 г. и исполняли свои функции вплоть до начала XX в., сейчас это одни из самых известных достопримечательностей старого Пекина.

¹⁷ Знаки *цзи-шуй*, помимо значения «скапливать воду», «огромное скопление воды», «стоячая вода», также являются названием звезды, соответствующей *лямбде* Персея или *каппе* Близнецов (см. [2, № 13827, т. IV, с. 675]).

¹⁸ Сейчас это озеро топонимически разделено на три части – Бэйхай 北海 (Северное море), Чжунхай 中海 (Центральное море) и Наньхай 南海 (Южное море). Вокруг Бэйхай размещён всемирно известный парк, в центре озера находится белая пагода в тибетском стиле, построенная в 1651 г. на месте разрушившейся юаньской пагоды. Чжуннаньхай 中南海 (именно такое композитное название чаще всего используется для обозначения двух малых озёр) сейчас – своего рода Запретный город современного Китая, закрытая резиденция высших руководителей страны и партии. Подробнее об этих парках см. [19, с. 15–16].

¹⁹ Оно было названо так по искусственному озеру, вырытому вблизи загородного дворца ханьского императора У-ди (141–87) к западу от Чаньани (см. [7, с. 48]).

²⁰ Впрочем, возможно, иногда эти пышные, сугубо китайские названия, использовались и несколько раньше – например, гора Ваньсуйшань упоминается в надгробной стеле Ай-сюэ, поставленной около 1312 г. (подробнее см. [8, с. 85]).

²¹ Формально приказ о строительстве нового города датирован ещё девизом правления предшественника Хайшаня, Темура (Чэн-цзун 成宗, 1265–1307, великий хан с 1294 г.), но сам Темур в это время уже скончался – он умер в феврале 1307 г.

²² Возможно, это следует понимать как указание на наличие ворот в каждой из четырёх стен города.

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь / Под об. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба. Т. I–IV. М., 2002.
2. Большой китайско-русский словарь / Под ред. Ошанина И.М. Т. I–IV. М., 1983–1984.
3. Джованни дель Плано Карпини. История Монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. [Марко Поло.] Книга Марко Поло. М., 1997.
4. Дмитриев С.В. Древнекитайская градостроительная теория по данным Као гун цзи // 34-я НК ОГК. Т. XXXIV. М., 2004.
5. Дмитриев С.В. Императорские охотничьи парки в ханьском Китае // Этикет народов Востока: нормативная традиция, ритуал, обычаи / Ред. Васильев Л.С., Фомина Н.И. М., 2011.
6. Дмитриев С. В. К вопросу о Каракоруме // 39-я НК ОГК. Т. XXXIX (Уч. зап. Отд. Китая. Вып. I). М., 2009.
7. Дмитриев С.В. Основные компоненты ханьского города на примере Чаньани // 32-я НК ОГК. Т. XXXII. М., 2002.

8. *Дмитриев С.В.* Самый влиятельный христианин монгольской империи. Проблемы реконструкции биографии иноземца на монгольской службе // 35-я НК ОГК. Т. XXXV. М., 2005.
9. *Киселёв С.В.* Древние города Монголии // Советская археология, 1957, № 2.
10. *Киселёв С.В., Евтохова Л.А. и др.* Древнемонгольские города. М., 1965.
11. *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
12. *Кузнецов А.К.* Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток, 1925.
13. *Кучера С.* Проблема преемственности китайской культурной традиции при династии Юань // Роль традиции в истории и культуре Китая. М., 1972.
14. *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). / Пер. с монг., введение, комментарий и приложения *Н.П. Шатиной.* М., 1973.
15. *Перлээ Х.* К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология, 1957, № 3.
16. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. *А.К. Арендса, Л.А. Хетагурова.* М.–Л., Т. III: 1946; Т. I, ч. 1–2: 1952; Т. II: 1960.
17. *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.
18. *Ли Жуй-цзе, Чэнь Ин.* Юань Чжунду янь-цзю цзун-шу (Обзор изучения юаньской Чжунду) // Хэбэй бэйфан сюэюань сюэбао (Шэ-хуй кэ-сюэ бань) (Труды Северного Хэбэйского университета (Общественные науки)), № 26 (6), 2010.
19. *Ло Чжэвэнь.* Бэй-хай, Чжун-хай, Нань-хай («Парки» Бэйхай, Чжунхай, Наньхай) // Чжунго да байкэ цюаньшу. Цзянь-чжу, юань-линь, чэн-ши гуй-хуа. (Большая китайская энциклопедия. Архитектура, парки, городское планирование). Пекин–Шанхай, 1988.
20. *Сун Лянь, Ван Вэй и др.* Юань ши (История Юань) // Эрши-лю ши (Двадцать шесть династийных историй). Хайнань, 1996. Т. 5.
21. *Сюй Пин-фан.* Цзинь Чжун-ду и-чжи // Чжунго да байкэ цюаньшу. Каогусюэ. (Большая китайская энциклопедия. Археология). Пекин, 1998.
22. *Сюй Пин-фан.* Юань Даду и-чжи (Развалины юаньской [столицы] Даду) // Чжунго да байкэ цюаньшу. Каогусюэ. (Большая китайская энциклопедия. Археология). Пекин, 1998.
23. *Ху Дэ-фэнь и др.* Чжоу шу (История [Северной] Чжоу) // Эрши-у ши (Двадцать пять династийных историй). Шанхай, 1995. Тт. 1–12. Т. 3.
24. *Чэн Цзин-ци.* Даду-чэн (Город Даду) // Чжунго да байкэ цюаньшу. Цзянь-чжу, юань-линь, чэн-ши гуй-хуа. (Большая китайская энциклопедия. Архитектура, парки, городское планирование). Пекин–Шанхай, 1988.
25. *Чэнь Гао-хуа.* Юань Даду (Юаньская [столица] Даду). Пекин, 1982.
26. *Чэнь Гао-хуа, Ши Вэй-минь.* Юань Шанду (Юаньская [столица] Шанду). Цзилинь, 1988.
27. Юань Даду каогу дуй (Археологическая группа [по изучению] юаньской [столицы] Даду). Юань Даду ды каньча юй фацзюэ (Разведка и раскопки в юаньской [столице] Даду) // Каогу, 1972, № 1.

28. Юань Шанду дяо-ча бао-гао (Отчёт об обследовании юаньской [столицы] Шанду) // Вэньу, 1977, № 5.
29. Юань Чжун-ду и-чжи (Развалины юаньской Чжунду) [Электронный ресурс] <http://www.hudong.com/wiki/%E5%85%83%E4%B8%AD%E9%83%BD%E9%81%97%E5%9D%80>
30. *'Ata-Malik Juvaini. The History of the World Conqueror / Tr. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle. Vol. I–II. Manchester, 1958.*
31. *Allsen T.T. The Royal Hunt in Eurasian History. Philadelphia, 2006.*
32. *Bretschneider E. Archeological and Historical Researches on Peking and its Environs. Shanghai, 1876.*
33. *Grousset R. L'Empire des steppes Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Paris, 1965.*
34. *Guillelmus de Rubruc. Itinerarium // Wyngaert, Anastasius van den. Sinica Fransiscana. Vol. I: Itinera et Relationes Fratrum Minorum Saeculi XIII et XIV. Firenze-Quaracchi, 1929.*
35. *Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. München, 2005.*
36. *Hayashi T. Karabalgasun I. The site. [Электронный ресурс] <http://www.iranicaonline.org/articles/karabalgasun-the-site>*
37. *Hayashi T., Moriyasu T. Palace and City of Qara-Balgasun // T. Moriyasu, A. Ochir, eds., Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. Osaka, 1999.*
38. *Hüttel H.-G. Im Palast des Ewigen Friedens – Die mongolisch-deutschen Ausgrabungen im Palastbezirk von Karakorum (Mongolei) / Expeditionen in vergessene Welten. 25 Jahre archäologische Forschungen in Amerika, Afrika und Asien. (Forschungen zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie (AVA–Forschungen). Bd. 10). Bonn, 2004.*
39. *Marco Polo. La description du monde / Éd., trad. et présent. par P.-Y. Badel. Paris, 1998.*
40. *Minorsky V. Tamīm ibn Bahr's Journey to the Uygghurs // Bulletin of Society of Oriental and African Studies. Vol. XII/2 (1948).*
41. *Needham J. Science and Civilization in China. Volume 4: Physics and Physical Technology. Part 3: Civil Engineering and Nautics. Taipei, 1986.*
42. *Odoricus de Portu naonis. Relatio // Wyngaert, Anastasius van den. Sinica Fransiscana. Vol. I: Itinera et Relationes Fratrum Minorum Saeculi XIII et XIV. Firenze-Quaracchi, 1929.*
43. *Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale // T'oung Pao, vol. 4/5 (1929).*
44. *Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris, 1959 ; Vol. II. Paris, 1963 ; Vol. III: Index. Paris, 1973.*
45. *Radloff V. Die Altürkischen Inschriften des Mongolei. St-Petersburg, 1895.*
46. *Schatzman Steinhardt N. The plan of Khubilai Khan's imperial city // Artibus Asiae, 44 (1983).*
47. *Sites of the Yuan Dynasty Upper Capital (Xanadu) and Middle Capital. [Электронный ресурс] <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/5326/>*
48. *The Cambridge History of China. Vol. 3: Sui and T'ang China, 589–906. Part 1 / Ed. by D. Twitchett. Cambridge, 1979 (Rpr.: 1993, 1997, 2006, 2007).*
49. *The Cambridge history of China. Vol. 6: Alien regimes and border states, 907–1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge, 1994 (Rpt: 2002, 2006).*
50. *The Secret History of the Mongols / Transl. by I. de Rachewiltz. Vol. I–II. Leiden–Boston, 2004.*
51. *Yoshito Harada, Kazuchika Komai. Shang-tu. The summer capital of The Yuan dynasty. Ser. Archaeologia Orientalis, Series B. Vol. II. Tokyo, 1941.*

Приложение

Рис. 1. Шанду.

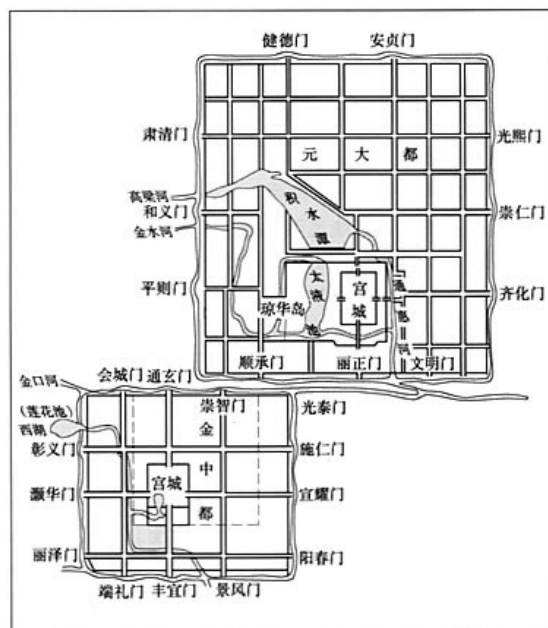

Рис. 2. Юаньский Даду и цзиньский Чжунду.

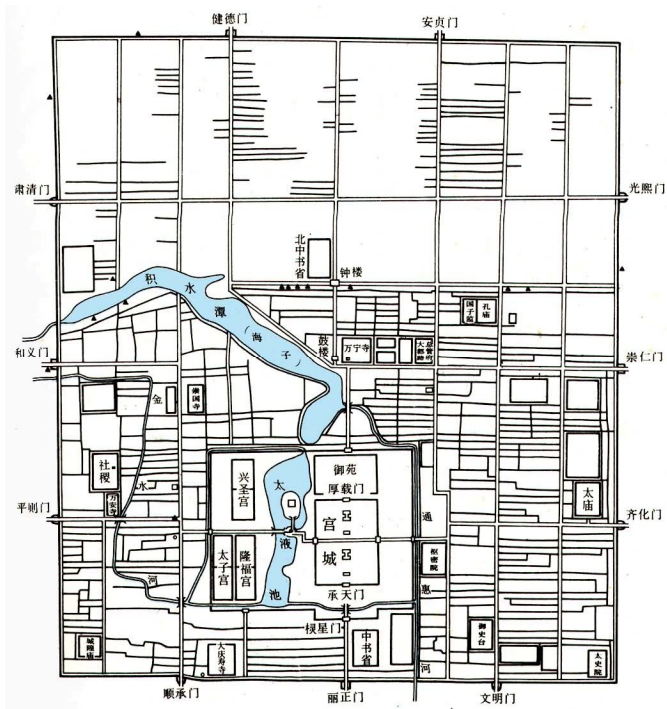

Рис. 3. Даду.

Рис. 4. Юаньская Чжунду (аэрофотосъёмка).